

Александр Малюгин

АФЕРИСТЫ

ЦЕНТРОДИГРАМ

**BIG-ЛАЖА-TOUR,
или
Как развести
клиента
на бабло**

ПРОФРОМ

Александр Малюгин

**Аферисты. BIG-ЛАЖА-TOUR, или
Как развести клиента на бабло**

«Центрполиграф»

2007

Малюгин А. Г.

Аферисты. BIG-ЛАЖА-TOUR, или Как развести клиента на бабло
/ А. Г. Малюгин — «Центрполиграф», 2007

Они не могут жить без афер, как наркоман не может жить без кайфа. Ваши мечты, слабости и пороки они превратят в свои деньги. И вложат их в очередные воздушные замки. Кто-то из них заплатит своей жизнью, а кто-то — чужой. И вы, садясь в самолет, предвкушаете рай впереди. А попадете в ад.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	10
Глава 4	13
Глава 5	16
Глава 6	18
Глава 7	22
Глава 8	25
Глава 9	29
Глава 10	33
Глава 11	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Александр Малюгин

Аферисты. BIG-ЛАЖА-TOUR, или Как развести клиента на бабло

Глава 1

Утром 25 февраля Вадиму Ларчикову сообщили, что Ледяной отель во французском Куршевеле, куда он лихо продал двенадцать путевок, растаял из-за резкого потепления в тамошних краях. Форс-мажор чертов. Придется возвращать деньги. Думать об этой неприятности не хотелось, и в полуоткрытую дверь спальни Вадим подсматривал за Дашкой. Это несколько успокаивало.

Разлегшись на полу, та ковырялась в своем игрушечном кухонном наборчике из «Вапанамамы», чистила и протирала сковородки, кастрюльки, разливала по кружечкам чай. И рассказывала кукле Маше, фаворитке, про свою горькую семейную жизнь (Дашка вышла замуж за Димку около девяти месяцев назад). Рассказывала как-то по-особенному, словно сказку на ночь читала:

– ...И вот сон снится: мы мчимся на бричке, небо грозное, черное-черное. И тут на дорогу выскакивает сотня рыжих лисичек – как я! – маленьких таких, уши остренькие. Я кричу Диме: «Стой, стой! Не дави лисиц!» А он ничего не слышит. Он ничего не слышит. «Опа-аздыва-ем!..» – только кричит, – поправила задравшееся платьице куклы. – Ну скажи мне, куда он все время опаздывает, куда летит?

«Вот дура-лисичка!» – с раздражением подумал Вадим. Три дня назад Димка Курляндцев вылез из очередного запоя и спешил до запоя следующего подчистить свои изрядно запущенные дела. Он был куратором нескольких галерей, продвигал работы московских художников-концептуалистов на западный рынок, издавал журнал интерпретационного искусства под хлестким названием «Темные люди», выходящий, впрочем, крайне редко. А в перерывах между всей этой суетной беготней устраивал на дому что-то вроде публичных дискуссий. Благо квартира в бывшем цековском доме на Большой Бронной, завещанная Диме дедушкой – крутой шишкой при Хрущеве (Вадим снимал здесь комнату), – позволяла вмещать целую роту богемных персонажей. Особенно забавляла Ларчикова одна долговязая девица, полупрозрачная от диет. Вылитая Твигги¹. Она упорно принимала его за личного Димкиного секретаря и, появляясь неожиданно, словно голубь в окне, на пороге его сингла², истерично кричала:

– Это надо непременно записать! Это будет очень интересно потомкам! Почему вы не идете к нам?

И Вадим как-то действительно заглянул на их сборище. Прихлебывая чай (друзья знали о болезни Курляндцева, поэтому спиртные напитки находились под запретом), гости слушали мохнатого, похожего на Льва Бонифация, молодого человека. Это был импровизированный спич о Родине. Запомнилась наизусть одна довольно длинная и заумная фраза оратора, странным образом осветившая давнее стремление Ларчикова пребывать, как Фигаро, то тут, то там: «Если говорить об индивидуальных ощущениях, то я нахожу, возвращаясь, это место постоянно разным: то дискомфортным и плохим, то эйфорически замечательным. Может быть, все объясняется тем, что это место пока не стало никаким, оно, как эмбрион в материнской утробе,

---

¹ Твигги – легендарная манекенщица 60-х годов, при росте 180 сантиметров весившая 40 килограммов.

² Сингл – одноместный гостиничный номер (англ.).

постоянно меняет свои облики. В результате я нахожусь в состоянии, когда не могу постоянно жить здесь, но и на Западе оставаться не могу. Маятникообразная ситуация».

Дашка, не вставая с пола и не выпуская из рук фаворитку, бросила Вадиму:

– Подслушивать вообще-то нехорошо. Просто неприлично! Даже Маша покраснела. – И она ткнулась орбакайтевским носиком в бледное лицо куклы. – Сейчас какой-то мужик придет. Он из Израиля. Дима просил встретить и напоить чаем. А мне неохота. Встреть, а? И тогда я тебя прошу за подглядывание. А так не прошу.

– Да встречу, блин! – рявкнул Ларчиков, его бесило, когда Дашка впадала в детство больше чем на десять минут.

До прихода гостя стоило бы прозвониться по растаявшему в Куршевеле отелю, но заскулил домофон.

– О, это Израиль! – воскликнула лисичка.

Глава 2

Ларчиков поступил на работу в «Пантера-тур» по рекомендации Любы Гурской, своей бывшей одноклассницы, приехавшей в Москву из Краснодара лет на шесть раньше Вадима. Гурская долго болталась в секретарях, но однажды, редкая красавица с влажными немигающими глазами и губами цвета фуксии, еще в школе получившая за свою неуступчивость прозвище Любка-Кремень, все же пересилила себя и поужинала бараньими ребрышками с гендиректором «Пантеры». За этим последовало резкое повышение Любы в должности – она поднялась до зама. А выражение «пойти по ребрышкам» стало крылатым в туристической тусовке Москвы, наряду, скажем, с фразой «отель минус три звезды», означающей катастрофические условия проживания.

Так вот, очутившись в столице, Вадим после первых обломов сразу позвонил Любе. С пятого по восьмой класс они сидели за одной партой, были влюблены друг в друга, и поэтому, как считал Ларчиков, Гурская не могла не помочь. И он не ошибся. Любка нашла ему комнату у бабки, а затем устроила в свою фирму. Само это устройство было произведено по-хитрому, но только чуть позже Вадим оценил всю дальновидность старой знакомой: Гурская не рекомендовала Ларчикова напрямую, она просто соврала шефу, что его добивается по телефону некий молодой человек «с большим опытом работы в ведущей провинциальной турфирме». Ариэль Михайлович поговорил с кандидатом около трех минут и, даже не заглянув в его паспорт с краснодарской пропиской, взял в отдел бронирования, где как раз освободилось место.

Итак, хитрый ход со звонком «с улицы» Вадим оценил чуть позже, когда Люба предложила ему проверить одну аферу. «Пантера-тур» специализировалась на деловых поездках и продаже билетов, сотрудничая с крупными корпоративными клиентами. Затушив окуроч в раковине, Люба обрисовала Вадиму свой план. Гениальный и простой, как бараньи ребрышки.

Их контора торговала билетами почти всех авиакомпаний, имеющих филиалы в Москве. Те предоставляли пустые бланки, а «Пантера», сбавив часть билетов, раз в месяц перед ними отчитывалась. И отправляла на счета какой-нибудь немецкой «Люфтганзы» или голландской KLM деньги – за минусом комиссионных, разумеется.

Незаполненные бланки хранились в сейфе. Однако из-за общей безалаберности, царившей в офисе по вине самого Ариэля Михайловича (он имел еще сеть зоомагазинов в Москве и турфирме уделял внимание постольку-поскольку), ключ от сейфа все время торчал в замке. Посему и доступ к ценным квиточкам, за пропажу каждого из которых авиакомпания сдирали штрафы в размере нескольких сотен долларов, имел любой работник «Пантера-тур».

В тот день, когда Гурская излагала свой план, из представительства американской табачной фирмы пришел факс: десять служащих хотели попасть на традиционный бразильский карнавал и просили оформить им бизнес-класс на рейс Москва – Рио-де-Жанейро и обратно. По замыслу Любы, Ларчиков должен был позвонить америкосам и объявить, что «Пантера-тур» меняет свои банковские реквизиты и поэтому временно принимает наличные. И что он готов приехать в их контору, отдать билеты и забрать кеш. Билеты стоили пять тысяч долларов каждый, и сумма выходила кругленькая – пятьдесят штук. Вадим набрал номер. Клиенты хмыкнули, но согласились – они привыкли к российскому бардаку.

Когда все ушли обедать в «Елки-палки» (Ларчиков, маявшийся гастритом, питался одним инжиром, присланным мамой из Краснодара), он вынул из сейфа пустые бланки авиакомпании «Дельта» и сунул их в журнал «Большой город», который, в свою очередь, запер в ящике стола. После работы, когда офис обезлюдел, Вадим забронировал десять мест до Рио и обратно. Заметив, что у него дрожат пальцы, отхлебнул из медной фляги, подаренной армейскими друзьями в честь «ста дней до приказа», пару глотков дешевого молдавского коньяка. Дрожь унялась.

Заполнив бланки билетов, Ларчиков, как и положено по инструкции, вырвал из каждого зеленые и розовые купоны. Зеленые для отчета отправляли в авиакомпанию, розовые оставались в агентстве. Рискованные манипуляции заняли примерно полтора часа. С Любой у него была договоренность, что, прежде чем ехать к заказчикам, он позвонит ей из телефона-автомата. Прихватив билеты и избавившись от всех купонов, Вадим поспешил к ближайшей станции метро.

Гурская, хихикнув в трубку, похвалила Ларчикову и сказала, что после операции будет ждать его в своей «хонде» возле «Седьмого континента», в двух шагах от офиса табачных королей. Поделив деньги, они должны были определиться, как им жить дальше, да и вообще отметить удачную аферу.

– Впрочем, тьфу-тьфу-тьфу через левое плечо! – воскликнула суеверная еще со школы Гурская.

Кстати, они и расстались из-за Любкиного суеверия. В восьмом классе платонические отношения стали переходить в чувственные, тактильные. Вадим касался ее руки под партой, особенно на какой-нибудь ненавистной геометрии, – это успокаивало. Прижимался будто невзначай в троллейбусе, завязывал кончики пряжей в дьявольские узелки, чтобы потом самому старательно распутывать, задевая шею и плечи. Плавно, неумолимо они приближались к взрослому миру, карту которого изучили в этих местах уже достаточно хорошо. Все изменил случай. Точнее, желтый цвет. Вадим как-то пригласил Любу на фотовыставку «Екатеринодар в начале XX века». Терпеливо ждал ее у дверей галереи с желтой розой в руке. Лицо девушки вдруг изменилось при встрече. Розу она не взяла. Прошли в зал, и тут Люба покачнулась, и Ларчиков еле удержал ее на ногах. «Ты специально меня сюда затащил? – воскликнула она. – Эта дурацкая желтая роза, эти дурацкие пожелтевшие снимки!» – «А что в них плохого?» – изумился Вадим. «Желтый цвет к измене, идиот!» И на следующий день Люба пересела за первую парту к Сереге Хургину...

Все прошло благополучно. Американцы, которых Ларчиков считал людьми практичными, рациональными, оказались на деле натуральными лохами из якутской глубинки. Наскоро проверив билеты, они вынули из сейфа пачку долларов, расплатились с Вадимом и, похлопав его по плечу, дали пятьдесят рублей на чай. За курьерские, видимо, услуги. Сжимая в правой, вспотевшей от волнения руке «дипломат» с пятьюдесятью тысячами баксов, а в левой – купюру достоинством в пятьдесят рублей, Ларчиков покачался из стороны в сторону, изображая весы. И исчез, как фотовспышка, под дружный хохот веселых америкосов.

Но, собственно, янки и не пострадали. Как справедливо заметила Люба, когда они уже сидели в тихом уголке ленкомовского «Грама», где мерцали свечи на столиках, на растянутом экране валял дурака Чаплин, а в отдалении, возле бара, играло механическое пианино, американцы-то в свой Рио-де-Жанейро улетят. Непременно улетят, ведь билеты не фальшивые. Но вот «Пантера-тур» – вынь да положи пятьдесят тысяч долларов!..

– Так ты хочешь все деньги стырить? – удивился Ларчиков.

– Тихо, тихо! – зашикала на него Гурская. – Понимаешь, Вадим, у меня принцип такой: если воровать, то по-крупному, если трахаться, то с королем.

– Значит, мне, как всегда, ничего не светит?

– Будет видно к концу вечера, – ответила с таинственной улыбкой Люба.

Затем они стали обсуждать, как замести следы. И вот тут-то Ларчиков впервые оценил кутузовский склад ума Гурской. Она не только не запалилась в конторе с рекомендацией будущего афериста (то есть его, Ларчикова), но и заранее оформила Вадиму двухнедельную путевку в Анталию. Но самое главное – навела на «Пантера-тур» налоговиков.

– Думаю, у Ариэля завтра будет такая головная боль, что он долго не хватится пропавших бланков. Попомнит он мне эти бараньи ребрышки! – заключила Гурская довольно зло.

...Под действием виски Вадиму показалось, что Чаплин сошел с экрана и переместился за механическое пианино. Играли мелодию из «Огней большого города». Играли скверно. Пора было уходить, и Ларчиков, коснувшись руки бывшей одноклассницы, сказал то, что в таких случаях обычно и говорят:

– Может, поедем ко мне?

Люба руки не отняла, но попыталась отшутиться:

– У твоей бабки нет горячей воды. Вот купишь квартиру в Москве...

– Я после Анталии сразу уеду в Краснодар, – оборвал ее Вадим. – Ты не в курсе – у нас дом сгорел. Папаша пьяный покурил в постели. Сейчас живут у родственников. Поэтому квартиру я хочу купить там, на исторической родине.

Гурская наморщила лобик.

– Ну хорошо, я тебе по-другому объясню. – Она зажгла зубочистку от оплывающей свечи. – Секс без любви не приносит мне удовольствия. Более того, он вреден. Да! Не веришь? Есть даже такая теория, мне один биохимик рассказал. У влюбленного человека в мозгу выделяются особые гормоны, под их воздействием он испытывает перманентное чувство полета. В постели, во время оргазма, вдобавок к этим гормонам в кровь влюбленного попадает еще какая-то ерунда... Не помню, как называется. И наступает высшая стадия наслаждения, сопровождаемая сильнейшей оздоровительной инъекцией! А секс без любви, напротив, опустошает. Вот такая взаимосвязь.

– Бред, цинизм и очередное суеверие, – пробормотал Ларчиков и тут же подколот: – Впрочем, теперь твое прозвище Любка-Кремень имеет хоть какое-то идеологическое обоснование.

– Прозвище у меня с восьмого класса, если ты помнишь, а с биохимиком я совсем недавно познакомилась, – не поняла шутки Гурская и, пододвинув к себе «дипломат», добавила: – Деньги разделим в машине. Тебе двадцать тысяч, мне тридцать. Я все-таки мозг операции.

– Спорить не буду. Хотя, если что, сидеть мне, ты же понимаешь. Впрочем, надеюсь, ни в Анталии, ни в Краснодаре меня искать не станут.

– Я обещаю: тебя нигде и никто не будет искать!

...И снова как в воду глядела. Ариэль Михайлович, еле откупившись от налоговиков, в милицию по поводу аферы с билетами обращаться не стал. По-тихому расплатившись с долгами, он ликвидировал «Пантера-тур» и занялся своими ненаглядными зверюшками. Гурская сообщила об этом Вадиму, осторожно позвонившему из Турции, с ехидным юмором: мол, от африканских партнеров как раз поступила выгодная партия краснозадых макак.

Глава 3

Закрыв по просьбе Даши дверь в спальню, где она, как дитя малое, нянчилась со своей фавориткой, Вадим пошел встречать израильского гостя.

Взъерошенный человек в черном, до пят, пальто, похожем на поповскую рясу, радостно улыбнулся и хохотнул:

– Морозно тут у вас! Не ожидал!

Вкатился в холл снежным комом, протянул Ларчикову кожаный баул и решительно двинулся в ванную. Вадим, слегка оторопев, кинул ему в спину:

– Тапочки не желаете?

Он был сегодня дежурным по квартире, с утра отдраил пол и теперь с досадой смотрел на дорожку следов заморского варяга. Вдруг из ванной раздался колоритный баритон «попа», а затем, к еще большему изумлению Ларчикова, дрелью засвиристел душ. Гость вел себя довольно бесцеремонно. Наконец он появился на пороге кухни, держа свое пальто бережно, будто скрипку.

– Куда можно определить? Оно мокрое.

– В коридоре есть вешалка. Я Вадим, а вас как, простите?

– Лев Фрусман. Ты извини, Вадик, я сейчас повешу пальто и все объясню. Я, кстати, думал, что ты Дима.

Через минуту Фрусман вернулся.

– Четыре часа терпел в самолете, – начал он рассказывать с неким азартом. – Там какие-то гады все унитазаы забили газетами. А в Шереметьеве, в этом отстойнике, зашел – там вообще кошмар! Плавают все по полу. Мама дорогая! Так что извини, попользовался. И я там вытерся розовым полотенцем, ничего? Оно показалось мне ничейным.

– Ерунда, – ответил Ларчиков, скрежетнув зубами. Розовое полотенце принадлежало ему.

Фрусман сел, с удовольствием подтянул к себе чашку чая, блюдо с сушками и продолжил:

– Что интересно, Россия всегда ассоциировалась у меня с дерьмом. В минуты, так сказать, ностальгии. Отец летчиком работал, и мы часто переезжали. Жили в малюсеньких городках, некоторых даже на карте не было. – Гость звонко отхлебнул чай. – Вот, к примеру, в Орске жили. Дома там в основном двухэтажные, старой постройки, их еще пленные немцы строили, и скверно, гады, строили, потому что канализация постоянно забивалась. И вот как-то в очередной раз возникла проблема с сортиром. Сосед наш, дядя Гера, мордастый мужик, механиком работал, вызвался помочь. Прямо с полетов привез «воздушку»... Это машина такая, с кучей заряженных сжатым воздухом баллонов. Систему тормозов в самолете заряжать, еще какую-то хрень... Пригнал, значит, прямо с аэродрома и говорит: «Сейчас продуем всю вашу гнилую немецкую систему! Никакого говна не останется!» Вставил шланг в унитаз и открыл вентиль. А там давление сто пятьдесят атмосфер. И смотрим: все в унитазе вдруг зашипело, зачмокало, захрюкало – такие схватки у свиноматки!.. Похрюкало-похрюкало. И – тишина.

– Прочистилось? – не удержавшись, спросил Ларчиков.

– Прочистилось! По крайней мере, нам так показалось. Но тут звонок в дверь. Соседи с верхнего этажа. Они нас быстро вычислили, потому что видели машину и шланг... Там бабулька сидела на унитазае, божий одуванчик. Газетку рвала. И это... когда дядя Гера вентиль включил, бабульку приподняло – и сдуло... сдуло с унитаза!..

С минуту Лева загибался от смеха, будто пальма во время хамсина³. На его визги и всхлипы пришлепала из спальни Дашка. Вид у нее, в мужской байковой рубашке, широких штанах – милитари с гроздьями карманов, был озябший и хмурый.

– Вы чего тут шумите? Добрый день! Или как там у вас... Шалом!

Берестяное блюдо грохнулось на пол. Хохоча, Фрусман стал все собирать.

Выглянуло солнце, и рыжие волосы Дашки словно наэлектризовались.

– А в Израиле всегда солнце? – вдруг спросила она.

– Ну, почти. Жутко надоело! – Фрусман подул на сушки, аппетитно хрустнул. – Провоцирует раковые заболевания. Рак кожи поголовно.

– Да ладно вам – рак кожи! – Лисичка недоверчиво покосилась на Леву. – А я не могу без солнца. Я просто здесь подыхаю. В Москве солнца вообще нет.

– Это ты загнула, – возразил Вадим. – Летом очень даже часто бывает.

– Ну да. Но зимой... Зима здесь ужасная. Это дебильное небо, как железный обруч, давит на мозги. И пьют у нас оттого, что нет солнца. Вот мы с Димкой были в Коктебеле – он там почти не пил.

– А что, Дима сейчас сильно пьет? – насторожился Фрусман.

– Да нет. – Дашка подтянулась к окну. – Так, бывает иногда. Когда совсем холодно. Вы лучше расскажите про Израиль. Там, наверное, замечательно?

Лева поморщился:

– По-разному. Так себе страна. Провинция, местечковые нравы. Устроиться сложно, работы нет.

– А легко получить израильское гражданство? – поинтересовался Ларчиков. – Ну, чтобы двойное было – российско-израильское.

– Что значит «легко»? Во-первых, ты должен быть евреем или женатым на еврейке. А во-вторых, надо какое-то время постоянно жить в стране. Какое – не знаю.

– Господи, почему я не еврейка? – вздохнула Дашка. – Жила бы сейчас на Мертвом море.

– У этой бочки рассола? – хмыкнул Лева.

И рассказал одну историю, странную, неправдоподобную...

Дело было на съемках российско-израильского фильма «Пришелец», Леву пригласил туда по дружбе ассистент режиссера. Съемки – это ведь сплошное море удовольствий! Хотя лучше бы загорали на Красном, чем на Мертвом.

Сюжет картины был просто чумовой (возможно, поэтому «Пришелец» так и не вышел на экраны. И еще Леве совершенно непонятно, почему фильм снимали на Земле обетованной, а не, скажем, под Иркутском).

Итак, далекие и дикие языческие времена. Весной, в день праздника борозды, глава рода обеспокоен выбором самой красивой девушки. Перед севом, по древнему варварскому обычаю, он должен прилюдно оплодотворить счастливую избранницу на пашне. Этот символический жест является залогом знатного будущего урожая. Обряд свершился, и мужчины рода начинают смертельную борьбу за то, чтобы взять в жены «безвинно оплодотворенную». Борьба действительно идет не на жизнь, а на смерть. Но тут внезапно появляется... пришелец из космоса. Он выходит из неопознанного летающего объекта, берет за руку «оплодотворенку» и ведет ее на круг танцевать какой-то языческий танец. Мгновенно влюбившись, девушка безропотно следует за пришельцем. Потом у них случается приступ инопланетной любви. Таков кратце сюжет картины.

Роль пришельца исполнял очень молодой и миловидный актер Леонид Суздальцев. Главную героиню – «оплодотворенку» – играла Наталья Рудакова, студентка ВГИКа. У Наташи

---

³ Хамсин – сильный и жаркий ветер.

с партнером сложились обычные деловые отношения. Съемки вообще проходили спокойно, весело, четко по графику.

Но однажды случилась невероятная вещь. Поздно ночью Наташа и Леонид стояли возле языческих избушек, специально выстроенных для съемок картины, в которых вся киногруппа, кстати говоря, и жила. Обсуждали прошедший день и завтрашний, перечитывали вслух какие-то куски сценария. И тут неожиданно скрылась луна и читать стало совершенно невозможно. Темно – хоть глаз выколи и так тихо, что слышен малейший всплеск, вздох, зевок и потягивающие Мертвого моря.

Места там – библейские, мутные, шальные. И Наташа, честно говоря, слегка сдрейфила, несколько раз перекрестилась и взяла Леонида за руку, а тот вдруг ткнул пальцем в небо.

Где-то далеко, на самом краю, появилась светящаяся, очень четкая точка. Вначале им показалось, что падает звезда. Но точка медленно приближалась, и по мере приближения все очевиднее становилась ее ровная, выверенная сферическая форма. На некоторое время вдруг опять стало светло.

Представьте себе состояние двух актеров, трезвых, никогда не стоявших на учете в психдиспансере, днем отыгравших примерно такую же сцену с НЛО на съемках художественного фильма, а ночью... И тут они так истошно завопили, что все спящие кинодеятели – от уборщицы до режиссера – вывалились из своих избушек буквально через полминуты. «Что, что случилось?!» Но впрочем, все тут же сами и увидели. И рот раскрыли от изумления. «Ущипните меня, – пробормотал Леонид. – Может, это они за мной прилетели?»

От НЛО, а в то, что это был НЛО, не верила только местная арабка-уборщица, шептавшая на своем арабском какие-то заклинания, шло два мощных луча-столба желто-свинцового цвета. На медленном ходу НЛО проплыл над их языческой деревенькой, и в один из столбов на секунду попали Наташа и Леонид. Нет, с ними ничего страшного не произошло, они не вспыхнули, как факелы, но вдруг, не стовариваясь, слепо, будто лунатики, они пошли следом за летающим объектом.

НЛО двигался над Мертвым морем. Наташа и Леонид молча разделись донага и вступили в соленую маслянистую воду. И поплыли, держа за ориентир желто-свинцовый луч. Точнее, они как бы даже и не плыли – не ощущалось никакого сопротивления выедающей глаза воды, в которой не живет ни единая тварь. Это было нечто вроде полета над Мертвым морем в сопровождении НЛО...

Тут Лева Фрусман неожиданно прервался и с хитрецей посмотрел на Дашу.

– Ну и что, что было дальше? – нетерпеливо выпалила та, с ума сходящая по всяким бредням и сказкам.

– А нашли их трупы в открытом море, – усмехнулся Лева. – Точнее, два огромных куска кристаллизованной соли. Один – нежно-розового, другой – бледно-голубого цвета. Соответственно – Наташа и Леонид. Я своими руками шупал! Такие кристаллы, с человеческий рост, распиленные пополам, самых разных оттенков, продают в тамошних магазинах как сувениры по три тысячи пятьсот шекелей. Около семисот долларов, короче. Вот такая грустная история.

– Ты, Лева, поаккуратней с девичьей психикой, – заметил Ларчиков.

– А что такое?

– Ну какие НЛО, какие соляные трупы? Даша же во всякую чертовщину верит. Она фильм «Гарри Поттер и Кубок огня» раз десять смотрела.

– Тринадцать, – уточнила лисичка и снова заканючила: – Ой, блин, как я хочу на Мертвое море! Хочу! Хочу!

Глава 4

История с билетами в Рио-де-Жанейро закончилась благополучно, как, впрочем, и деньги. Купив в Краснодаре квартиру, Ларчиков некоторое время честно трудился в местной туристической фирме. Приняли его охотно, ведь у Вадима был «богатый опыт работы в Москве». Но как-то в офис «Виола интернэшнл» зашел один турецко-подданный, женатый на Светке Белкиной, красавице и фотомодели, знакомой Ларчикова. Представился Искандером, передал горячий привет от супруги, поставил на стол коробочку с рахат-лукумом – «только что из Стамбула». Присел и стал полупшепотом рассказывать о новой гостинице своего друга под Анталией.

«Три звезды», мол, но очень приличная. В Турции, кстати, три можно смело приравнять к четырем. Чистенько, первая линия, песочный оборудованный пляж, французский шеф-повар, вышколенная обслуга.

– Я в теме, – перебил его Вадим, – я недавно отдыхал в Анталии. Набор известный. А в чем, собственно, проблема? Туристов мало?

– Ну, люди есть, – ответил Искандер и покосился на дверь кабинета гендиректора. – Слышимость хорошая?

– Стерильно.

– Немцы в основном. Семейные... Тут можно прилично заработать. Света говорила, что ты – большой любитель авантюр.

Вадим поднял брови. Светка могла знать только об одной его аванюре. Когда он серьезно увлекся фотографией, стал вести в молодежной газете рубрику «Девушка недели». Кандидаток поначалу буквально за руку ловил на улице. На предложение сняться в полуобнаженном виде красавицы реагировали по-разному. Многие соглашались, когда Вадим доставал из портфеля, похожего на детский гробик, ворох газет. Кому не хочется стать такой же знаменитой, как, скажем, Ева Герцигова, эта «Мерилин Монро 90-х годов», зарабатывающая по десять тысяч долларов в день?

Но вскоре Ларчиков решил перевести конкурс на коммерческую основу. Простушки с улицы его больше не интересовали. Девушки бандитов, дочери местных чиновников и бизнесменов, даже элитные проститутки – вот кто появлялся теперь на страницах молодежи, блистал в конкурсе и побеждал в нем. Разумеется, за деньги, которые шли прямоком в карман Вадима. И это его сгубило. Надо было делиться, хотя бы с замом главного редактора. А так кто-то из девушек заму стукнул. И Ларчикова отлучили от кормушки.

Так вот, Света Белкина могла знать только об этой аванюре – от папы, того самого зама...

– Я – большой любитель авантюр? – переспросил у Искандера Вадим. – Какая-то чушь. Поклеп.

Тем не менее посетитель бодро изложил свой план.

Можно подписать с гостиницей друга стандартный договор на обслуживание групп. Один месяц, скажем апрель, исправно, по воскресеньям и четвергам, отправлять туристов. Плату за путевки брать умеренную, чтобы был поток.

– Ну дальше, дальше, – поторопил турка Вадим.

– Сейчас, дорогой, все нарисую.

Через месяц стабильной работы происходит некоторая задержка с платежами. Легкий срыв. Хозяин гостиницы начинает нервничать, но партнеры ссылаются на временные трудности с переводом денег, на высокие налоги и желание их избежать. Мол, поэтому, из-за налогов, и послали бабки через сингапурский банк в гонконгский. Чтобы потом они в турецкий прямоком ушли. Экономия! Известная схема! А они в Гонконге почему-то застряли. При чем

тут мы? В подтверждение в Турцию высылаются по факсу поддельные платежки. Вот они, денежки, все перевели!

– А на самом деле бабло кладем в свой карман, да?

– Соображаешь!

– И сколько мы так продержимся? Сколько недель твой хозяин гостиницы будет бесплатно принимать наших туристов?

Тут Искандер ненадолго задумался.

– Иса – мой друг. Но у меня экстремальные обстоятельства. Светка вот-вот родит. Денег нет, работы нет...

– Так сколько? – прервал его нытье Вадим.

– Месяца два с этими гонконгами-сингапурами я ему мозги запудрю.

– Точно?

– Запудрю, – уверенно кивнул турок.

Подсчитали на калькуляторе возможный доход. Если в среднем брать за недельный тур триста долларов с носа и сбивать группу человек в двадцать – это шесть тысяч баксов получается.

Воскресенье плюс четверг – двенадцать тысяч. На четыре недели умножить – сорок восемь тысяч долларов. За два месяца – девяносто шесть тысяч. За вычетом авиабилетов, которые нужно реально оплачивать здесь, в Краснодаре (тут не смошенничаешь, как ни крути), примерно те же сорок восемь тысяч падают с небес. Недурно!

– Как деньги будем делить, дорогой? – заерзал на стуле Искандер.

– Подожди делить. Делим шкуру неубитого козла. Сначала надо кое-какие вопросы порешать. К примеру, на кого фирму регистрировать. Я же не могу это через «Виолу» проводить.

– Как на кого? На тебя.

– Очень мне хочется подставляться! – хмыкнул Ларчиков. – Ладно. Есть старый проверенный способ.

Через пару дней они нашли двух алкоголиков. Искандер – студента сельхозтехникума Бертнева Олега Давыдовича, 1973 года рождения, Вадим – Курочкину Анну Леонидовну, 1958 года. Новоиспеченные «учредители» друг друга, разумеется, не знали, знакомство состоялось в беседке напротив железнодорожного вокзала. Пили «Завалинку», закусывали беляшами «от тети Клавы». Вадима потом всю ночь мутило от «Клавиных» пирожков, но дело было почти сделано, паспорта алкашей лежали в кармане брюк. Процедура регистрации заняла неделю, на снятие офиса и рекламную кампанию Ларчиков пожертвовал последние от тех памятных «прио-де-жанейровских» трехсот долларов. Сняли даже не комнату, а угол в местном отделении Всероссийской ассоциации животноводов. Намылились было ехать в Турцию – обсудить проблемы с Исой, но Искандер решил все по телефону, и грамотно составленный договор с печатью фирмы «Люба-тур» (понятно, в чью честь) ушел по факсу в Анталию. А через несколько часов вернулся, завизированный иностранным партнером.

– Ой, Иса, ой, Иса! – запричитал вдруг Искандер. – Что же ты такой доверчивый? Такой бестолковый! Как же ты такой уродился? В кого? Это хорошо, что я твой друг! Чужой бы человек догола раздел!..

За успех предприятия они, естественно, выпили. А через пару дней позвонили первые клиенты.

Месяц, как и было условлено, Вадим и Искандер добросовестно отправляли группы в отель Исы. Доход копеечный, и компаньоны с нетерпением ждали послепраздничного мая, который они между собой окрестили «сезоном неплатежей». Но тут в офис «Люба-тур» наведались местные братки.

Дежурил Вадим – у Искандера рожала жена, и он, давно мечтавший о наследнике, сутками пропадавал в больнице. Ларчиков оформлял последних клиентов, с тревогой поглядывая

на скучающих бритых парней, всем своим видом показывающих, что им дела нет до красот Средиземноморья. Запутывая интригу аферы, компаньоны как-то упустили из виду банальный рэкет.

– Чем могу помочь? – наконец спросил Ларчиков, доставая медную флягу и нервно отхлебывая армянский коньяк.

Один из братков плюхнулся рядом.

– На работе пьешь? Нехорошо. – Он говорил, зыряка куда-то мимо Вадима – фирменный бандитский стиль, наподобие пресловутой «голливудской улыбки». – Слушай сюда. Ваша контора работает уже целый месяц. На нашей территории. Как идут дела? Хорошо? Вижу, что хорошо. С этого дня будете платить пятьсот баксов в месяц.

– Откуда?! – не сдержался Ларчиков. – У нас и прибыли такой нет!

– Не перебивай! Будете платить. Без базара. В понедельник половину суммы на стол. – Бандит усмехнулся и добавил: – Я, наверное, с дуба свалился, не знаю, сколько у вас тур в Анталию стоит? Триста баксов. А сколько вы людей в неделю отправляете? У нас с арифметикой все в порядке, чувак.

«Вот идиот, – подумал Вадим. – Тебе бы еще наши расходы подсчитать, Пифагор ты долбаный, Лобачевский!»

Вслух, разумеется, ничего не сказал, молча проводил взглядом незваных гостей.

Беспокоить Искандера, замершего в ожидании Светкиных родов, Вадим не стал. Некоторое время решил не появляться в конторе, тихим карпом залечь на дно. А вась обойдется. Утром в пятницу уехал на дачу к другу и там сутками болтался в гамаке, наблюдая за вороньей семейкой, выясняющей отношения на ободранной крыше. А в Краснодар вернулся только во вторник после полудня.

Поймал на вокзале такси, подъехал к офису и метров за тридцать увидел толпу, машину «Скорой помощи» и милицию. С дурным предчувствием осторожно приблизился к муравейнику, взял за локоток первую же старушку:

– Что тут произошло?

Скрипнув головой, как половицей, бабка пояснила:

– Парня убили. Из коммерческих. Турка, – и вдруг испуганно заорала: – А ты кто?!

Вечером того же дня Ларчиков отбыл в Москву.

Глава 5

В мечтах о Мертвом море Димка Курляндцев и застал компанию. Его светлые глянцевые волосы были образцово зализаны назад. Как всегда озабоченный, когда трезвый, он сразу взял быка за рога:

– Лева, у меня вернисаж вечером, куча звонков еще... Так что выкладывай.

Оказалось, Фрусман не просто на чай с сушками забрел, а было у него по чьей-то рекомендации серьезное дело к Димке, денежное. Курляндцев нуждался в средствах (запой – весьма затратный проект) и часто брался за всякую халтурку. Не желая ни с кем делиться, он попросил «посторонних» выйти. Вадим и Дашка хлопнули дверь, но Фрусман заговорил таким громким и хорошо поставленным голосом, что было слышно повсюду. Речь шла об организации нового массового движения паломников из России в Святую землю. Впрочем, начал Лева издали.

Еще во времена князя Владимира паломничество русских людей в Палестину почиталось прежде всего как духовно-очистительный подвиг. Многомесячный путь, полный опасностей и лишений, удавалось преодолеть не всем. Первое дошедшее до нас описание «хождения в Святую землю» принадлежит игумену Даниилу, по предположению исследователей, постриженному в Киево-Печерском монастыре, а позднее игумену одного из монастырей Черниговской земли.

Тут Лева неожиданно прервался, глубоко вздохнул и, к удивлению Ларчикова, с мелодраматическими интонациями начал цитировать:

– «...С помощью Божией посетил Иерусалим и видел святые места около града Иерусалима, где Христос ходил своими ногами и великие чудеса показал в тех местах святых. И видел все своими очами грешными, что беззлюбивый Бог позволил мне увидеть и что я долгое время жаждал увидеть...»

Гулко выдохнув, Фрусман затем понизил голос, и Вадим уже ничего не мог расслышать. Впрочем, особо и не старался. Его вдруг с новой силой накрыла ситуация с Куршевелем. Словно похмелье очнувшегося среди ночи алкоголика. Как же так? Всю зиму его фирма «Фрегат» пыталась завоевать на рынке туристических услуг надежную репутацию. Главная заслуга – организовали паломничество на Тибет, по всем буддистским святыням, с проживанием в монастыре: полный пансион, восемь экскурсий с квалифицированным гидом. Визы штамповали день в день, без осечек и задержек. Самые сложные – США, Англия, Израиль, не говоря уже о шенгенских. Взяли приличный кредит в банке – и в срок отдали с процентами. Работали честно, ну, максимально честно, этим Ларчиков как бы пытался самореабилитироваться за свои прежние аферы и прегрешения. И на тебе, вся репутация ослу под хвост! Какого черта он поддался на уговоры Свиридова из «Панорамы»?! Голову бы ему отстрелить за Ледяной отель!

Шальными деньгами, конечно, соблазнился. За этот тур на уик-энд, с ночевкой в дорожных шале и аккордной вечеринкой в специально выстроенном из цельных кусков льда отеле, с шампанским, девочками и прочей развлекухой, он бы железно срубил пару тысяч баксов. Кто же знал, что у них там, в Куршевеле, в феврале потечет, как у кошки мартовской...

Из гостиной снова послышался громкий мелодраматический голос Фрусмана:

– «От Пупа земного до распятия Господнего саженой двенадцать. Место распятия находится к востоку, оно было на высоком камне, выше древка копья. Камень этот был крут, как небольшая горка. Посреди этого камня на самом верху высечена скважина круглая, локоть вглубь, а в ширину менее пяти. Здесь был сооружен крест. Внутри под этим камнем лежит голова Адама. Во время распятия Христа, когда он преставился, тогда разодралась церковная занавесь, и камень потрескался над головою Адама. И этой трещиной кровь и вода из ребер Христа омочила голову Адама и омыла все грехи рода человеческого...»

Фрусман продолжал цитировать, по всей видимости, того же игумена Даниила, когда Ларчиков надевал дубленку и шнуровал ботинки, внутренне содрогаясь от предстоящей процедуры. В офисе лежали списки туристов, намеревающихся отбыть в Куршевель, и нужно было обзвонить каждого с леденящей вестью: растаяло.

Глава 6

Когда Вадим после убийства своего партнера Искандера сбежал из Краснодара в Москву, он первым делом конечно же позвонил Любе Гурской. Та обрадовалась и спросила, не забыл ли он место, где гарцует на экране Чаплин? Встретились в том же ресторанчике, в ленкомовском «Траме». Механическое пианино было сломано, и на нем висела табличка, как в музее, видимо, для самых пьяных посетителей: «Руками клавиши не трогать!» Аферу с гостиницей в Анталии Люба не одобрила.

– Мелковато, – сказала она, жуя лимон. – Я же тебе всегда говорила: если воровать, то по-крупному, если трахаться, то с королем. А потом, ваш Иса, я думаю, не такой уж конченный дурак. Один раз не проплатили, другой – и финита!.. В следующий раз туристы ночевали бы где-нибудь на диком пляже. А по прилете в Краснодар вам бы бошки поотрывали. Так что, может, все и к лучшему. – Тут Люба поморщилась и отложила лимон. – Я, конечно, не убийство твоего напарника имею в виду.

Потом Гурская рассказала о себе. Она открыла свою турфирму, офис в центре, на Кузнецком Мосту. Занимается сугубо визами в Германию и новыми паспортами. Вышла, кстати, замуж, за биохимика.

– Ну, за того, помнишь, – гормоны выделяются в мозгу?

– По любви? – с некоторой иронией спросил Вадим.

– Конечно по любви.

Дела идут успешно, и работа Ларчикову найдется. Кто же еще позаботится о бывшем однокласснике и поделнике? Тут они оба дружно расхохотались.

– Хотя лучше тебе немного изменить внешность, – заметила Гурская, пристально оглядывая будущего подчиненного.

– В каком смысле?

– Ну, подстричься, отрастить, к примеру, усы, купить модные шмотки. Я тобой займусь. Сегодня же.

И она повезла Вадима в ближайший торговый центр.

Красноволосая парикмахерша трудилась над Ларчиковым больше часа. Когда Вадим открыл глаза, он увидел в зеркале симпатичного молодого яппи, почему-то одетого в грязный свитер. «Заяц недолинявший», – подумал про себя.

В голландском магазине Гурская сама выбирала ему одежду. Остановилась на сером костюме и, даже не посмотрев на цену, сунула пиджак и брюки Ларчикову.

– Марш в примерочную! – приказала с усмешкой.

Вадим бодро прошеествовал за занавеску и вскоре выплыл оттуда, весь сияя. Люба ахнула: костюм сидел на Ларчикове как влитой. Как Бруклинский мост на Ист-Ривер.

– Представительный мужчинка! Да ты просто Бен Эффлек! – воскликнула она и развернула красавца на сто восемьдесят градусов. Затем посмотрела на него сбоку, снова со спины, поправила лацканы... – Вот что я тебе скажу, дружочек. Хотела я тебя взять простым клерком на побегушках, но после такого потрясения – быть тебе начальником отдела! А то у меня на ключевом месте такое чмо заправляет!..

Работа показалась Вадиму непыльной. Сидел он, правда, не в центральном офисе, а в нескольких кварталах от него, в маленькой комнатухе, выдержанной в травянистом цвете, от обоев до нового кожаного дивана, окна выходили на знаменитый Варсонофьевский переулок, где жила Эллочка-людоедочка. И поэтому с пачками паспортов приходилось мотаться туда-сюда. Так что все равно, как ни крути, получалось – на побегушках. И только позже Ларчиков понял, что его житье-бытье на выселках – очередное проявление дальновидности Любви Григорьевны Гурской.

Занимался он визами в Германию. Это было время, когда оттуда сотнями гнали в Россию подержанные машины. Гурская имела хороший выход на посольство через какую-то государственную контору, имеющую, в свою очередь, отношение к министерству культуры. Отправляли автолюбителей под видом балалаечников, цирковых наездников, оперных теноров, фокусников, поэтов-песенников и прочих деятелей искусства. Поток был огромный, потому что цена – долларов на тридцать ниже среднегородской. Как известно, цены на визовом рынке складываются в зависимости от числа посредников. А у Любы был практически прямой канал.

Посредники приходили к Ларчикову. И кто только не подрабатывал на этой ниве! Водитель троллейбуса, офицер ФСБ, парочка стриптизерш из ночного клуба, врач-ортопед. Самым чумовым персонажем был Геннадий Сергеевич – щуплый учитель физкультуры из средней школы. Паспорта он таскал десятками в день, брал их у всех и без разбора, часто – с сомнительными уголовными рожами. Ларчиков плевался, объяснял физкультурнику, что таким образом он всех когда-нибудь подставит, но толку от этих внушений было мало.

Однажды Геннадий Сергеевич вбежал в офис Вадима необычайно возбужденный.

– Вадим, я принес такой праздник души! Это что-то невероятное! – крикнул он с порога.

Ларчиков со скепсисом посмотрел на учителя:

– Вы меня пугаете, Геннадий Сергеевич. И вообще, сядьте. А то сейчас от радости вылетите в окно.

– Ласточкой! – Он присел и стал доставать из поцарапанного «дипломата» содержимое. Надкусанный белый батон, запечатанный пакет молока, журнал «Андрей», четыре электрошокера.

– Блин, что за фигня? – раздраженно воскликнул Вадим.

– Это? Это электрошокер. Хотите? Продам недорого. Сто долларов. Срубает наповал.

– Я говорю, что вы мне тут повываливали на стол? Тут, между прочим, документы лежат. Сейчас своим молоком все зальете. А ну, убирайте!..

– Секунду, секунду. Просто у меня все паспорта на дне.

Наконец он вытащил из «дипломата» толстенький конверт и вытряхнул перед Вадимом кучу красных книжиц.

– Вот, пятьдесят штук, – сказал Геннадий Сергеевич удовлетворенно. – Золотые яички! Сейчас все доложу по порядку. У меня есть один состоятельный знакомый. Кстати, это он электрошокеры производит... Время от времени он подкидывает мне и клиентов на Германию. Вчера звонит и приезжает с мешком ксив. Посмотри на эти рожи!

Ларчиков раскрыл первый попавшийся паспорт и расхохотался. Учитель тоже стал хихикать, нервно закидывая голову назад. Когда Вадим резко оборвал смех и с усталой ненавистью посмотрел на Геннадия Сергеевича, лицо того уже было сосредоточенным и как бы готовым к битью. Впрочем, он мгновенно перехватил инициативу и торопливо заговорил:

– Я акробат в прошлом, но не клоун. Я все понимаю, однако тут конгениальный случай. За каждого клиента здесь платят по две тысячи долларов.

– Сколько? – наморщил лоб Ларчиков.

– Две тысячи долларов. За каждого, – тихо повторил физкультурник. – Дело в том, что это не наши люди.

– Ну, я заметил. Зато фамилии какие – Иванов, Шатунов! Азербайджанцы или чеченцы?

– Это курды, – почти шепотом произнес акробат. – Но паспорта настоящие, я гарантирую. Желают переправиться в Германию.

Ларчиков усмехнулся:

– Я тоже желаю в Германию. Но кому я там нужен?

– Наша задача – визы поставить. А как они там устроятся, их проблемы. Ты просто пойми, Вадик: такие деньжищи надо год зарабатывать. А тут паспорт к паспорту. Золотые яйца!

- Да подождите вы со своими яйцами!
- И аванс стопроцентный.
- Неужели?
- Вот тебе крест.

Ларчиков задумался. Риск серьезный, очень серьезный – можно влегкую спалить канал. С другой стороны, а зачем его палить? Не тот ли это случай, когда надо воспользоваться дальновидностью Любы и просто-напросто свалить с курдскими деньгами в никуда...

– Сколько вы хотите с паспорта? – поинтересовался Вадим.

– Двести. Тысяча восемьсот твои. За риск и усердие. Кстати, давно хотел спросить: через кого ты делаешь визы? Ну, не телефон и адрес, так, для информации: через какую организацию?

– Минобороны, – соврал Ларчиков и быстренько посчитал в уме возможный навар: за минусом десятки акробата – девяносто тысяч баксов. Половину Любе, родимой мамочке. Остальное себе, драгоценному. Как хорошо, что она засекретила свой центральный офис! Как умна, чертовка! Как дальновидна!

– Значит, аванс стопроцентный? Так, Геннадий Сергеевич?

– Этот человек мне доверяет. Стопроцентный аванс – железно.

– Вы поймите, я бы, может, сразу все и не брал. Но тут надо завалить генералов деньгами, задавить. Я же делюсь. Я большую часть отдаю.

– Я понимаю. И не имею привычки считать чужие деньги. Мне и десяти штук – во как хватит.

Ларчиков улыбнулся и с жалостью посмотрел на акробата:

– У вас есть квартира в Москве?

– Есть. А что?

– Большая?

– Трехкомнатная. Я живу с женой и тещей. Теща совсем больная. Заработаю деньги – повезу ее в Карловы Вары.

– Вы так любите свою тещу?

– Да, люблю. – Геннадий Сергеевич стал очень серьезным. – Она поставила меня на ноги, когда я сломал позвоночник. А почему ты спросил про квартиру?

– Потому что у меня нет квартиры. Но после нашего с вами дельца, надеюсь, куплю.

– А! Конечно купишь. Такие деньжищи! Добавишь немного и что-нибудь подберешь. Могу, кстати, помочь – есть знакомый маклер.

– Да нет, спасибо, – отказался Вадим и подумал: «Маклер тебе еще самому пригодится, когда будешь свою трехкомнатную срочно за долги продавать».

...Гурская оценила идею подчиненного.

– Растешь, растешь, – сказала она, – скоро станешь великим комбинатором.

– У меня уже был один знакомый турецко-подданный. Плохо кончил, – парировал Ларчиков.

Затем обсудили детали. Курдские паспорта решили оставить в ящике стола.

– В ларчике, – сострила Люба. – В ларчике Ларчикова. А то твоего акробата повесят за одно место. И квартирой он своей не отделается. Знаешь, сколько стоит каждый такой документ? От трех до пяти тысяч долларов.

– Вау!

Ликвидировать офис в Варсонофьевском постановили сразу после получения денег. Пока физкультурник не опомнился. Аферу не обмывать, как тогда, с Рио-де-Жанейро. Не до этого. В Краснодар уезжать тоже не следует. В Салтыковке, под Москвой, есть дачка. Так себе дачка – стенки фанерные и дровами надо топить. Но поскольку сейчас лето, хлопот особых не будет. А баксы лучше сразу положить в банк. Через пару месяцев Вадим уже, наверное, смо-

жет вернуться. Потому что в милицию Геннадий Сергеевич звонить не станет – это уголовное дело, с курдами-то. Либо сбежит из Москвы, либо, рассчитавшись в долгами, сам заляжет на дно. И вряд ли когда-нибудь всплывет. Будут ли искать Вадима? На этот вопрос Люба отвечать впрямую не стала.

– Там, в Солтыковке, – проговорила она, – есть хорошая церковь. Точнее, батюшка хороший. Походи, посоветуйся. Авось пронесет... Да, и еще. Дачку мою девочка сторожит. Она сирота, ты ее не обижай. Поможет по хозяйству и вообще.

– Как зовут девочку?

– Дашенька, – ответила Гурская и по-сестрински поцеловала Ларчикова в лоб.

Глава 7

Вернувшись после хлопотных звонков по Куршевелю домой, Вадим обнаружил следующую картину. Складный рассказчик Лев Фрусман лежал в гостиной на диване – в пыльных ботинках на белой простыне. Его глубокий чувственный храп был мало похож на тот колоритный баритон, который Ларчиков слышал утром из ванной. В правой руке Фрусман держал цепко, словно гранату, бутылку пива «Туборг». Вадим попытался вырвать ее у Левы, но тот резко дернулся и выкрикнул несколько слов на иврите. «Нет, это не радистка Кэт, – мелькнуло у Ларчикова. – Этот себя не выдаст».

Потом он вдруг похолодел: Фрусман вряд ли пил в одиночку. Постучался к супружеской паре.

– Входи! – откликнулась Даша.

Он вошел и тут же споткнулся о валяющегося на полу Димку.

– Это как понимать?

– Как-как. Лева два часа рассказывал ему о проекте...

– А в чем, кстати, суть проекта, я толком не понял? – машинально поинтересовался Ларчиков. – Ах да. Паломническое движение.

– Так вот, они разработали целый план. План Каплан... Затем Фрусман предложил отметить.

– Ну а ты чего не остановила?

– А я незадолго до этого ушла. Катька попросила выгулять собаку. Полчаса я гуляла, прихожу – Димка уже на полу. Фрусман еврейские песни поет. Блин, я чуть антисемиткой не заделалась! А ведь у него вернисаж вечером!

Вадим, нагнувшись, потрепал концептуалиста по щеке. Тот лежал безмолвно, словно солнце на подоконнике, и даже, похоже, не дышал. Ларчиков стал шарить по известным ему заглавкам и тайникам. Единственный, да и то весьма квелый способ уберечь приятеля от запоя – избавиться от всего спиртного в квартире. Сунул руку под матрас кровати – пусто. На книжных полках – ни черта.

– Ты в баке для белья смотрела?

– Нет там ни фига.

– А под ванной?

– Голяк.

– А на антресолях?

– Ну вот, полезу я еще на антресоли!

Чуть подумав, Ларчиков полез сам. Включив фонарик, стал ворошить тряпичные кучи в углу. Детские штанишки с ляжками, бескозырка с позолоченной надписью «Св. Димитрий», стертые до дыр сандалии, разноцветные рубашки-безрукавки, сплошь залитые чернилами, будто кто-то специально и методично поливал их из шланга, белые рваные маечки. Здесь бутылок не было. Посветив в другой угол, Вадим отодвинул в сторону массивный бюст Хрущева, и за ним обнаружились целые залежи наградных коробочек, коллекция выпелов и потерянная коричневая кобура. Рука инстинктивно потянулась к ней. Кожа оказалась мягкой на ощупь, теплой. Маленький блестящий браунинг, напротив, саданул холодком.

– Ё-мое! – только и воскликнул Ларчиков, с любопытством разглядывая пистолет в луче фонаря.

Насмотревшись, сунул оружие и коробку патронов во внутренний карман пиджака, спустился с лестницы и крикнул Дашке, ожидавшей в коридоре результатов обыска:

– Нет там ничего! Голяк!

Утром Вадим зашел в гостиную, где храпел Лева Фрусман. Разбудить его оказалось делом непростым – из сна тот выбирался медленно, толчками, словно из снежной лавины. Очнувшись и увидев в собственной руке бутылку пива, с гадливостью поставил ее на пол и только потом заметил Ларчикова.

– В Израиле чем похмеляются? – с издевкой спросил Вадим. – Сакэ?

– Почему сакэ? При чем здесь сакэ? – прохрипел Фрусман. – Сакэ в Японии.

– Шучу. Вы вообще-то зря вчера напоили Дмитрия. Это теперь надолго, минимум десять дней.

– Господи! Надо было предупредить, что он алкаш. Я же не знал. И я ведь, кстати, спрашивал. Я спрашивал у Даши.

Лева со стоном поднялся с дивана, подошел к окну.

– И вправду, куда у вас все время солнце исчезает? – пробормотал он, массируя виски. – Пропили все на свете... Что же я теперь буду делать?

– В каком смысле?

– В смысле нашего проекта. Мы же вчера целый план расписали. Кого привлекать, куда рекламу давать...

– Суть вашей аферы вы мне можете объяснить? – спросил Ларчиков. – Только честно и внятно.

Лева медленно повернулся. Клоунская гримаса недоумения, которую он попытался изобразить, выглядела фальшиво.

– Афера? Какая афера? Речь идет о паломничестве в Святую землю. Христианское дело!

– Ну, не хотите, как хотите, – сказал Вадим и собрался уходить.

– Подожди. – Фрусман снова болезненно потер виски. – Ты вообще чем по жизни занимаешься?

– Туризмом. У меня своя фирма.

– Серьезно? И все официально зарегистрировано?

– Конечно.

– Вот мне «крыша» твоя очень нужна, очень! – Лева неожиданно просиял, словно и не было никакого похмелья. – Суть такова, если коротко. До революции в России существовало паломническое общество, оно организовывало поездки православных в Святую землю. Была у них такая «карта паломника», доступная даже не очень состоятельным людям, даже беднякам. Но ехать все желающие могли только через год – за это время их взнос прокручивался в разных коммерческих проектах, купцами там, фабрикантами, спекулянтами. Часть прибыли от подобных делишек шла... ею, короче, погашалась реальная стоимость поездки в Палестину. Потому что реальная стоимость – это примерно в два раза больше взноса, который делал каждый будущий паломник. Андестэнд? Вот эту схему я и хочу возродить.

– И в каких проектах будут крутиться деньги нынешних паломников? – поинтересовался Ларчиков.

Фрусман внимательно и как бы оценивающе посмотрел на Вадима.

– А ни в каких, – нагло ответил он. – Ты хотел откровенно – я говорю откровенно. Все мани в наш карман. Интересно?

Теперь на одутловатом утреннем лице Фрусмана появилась гримаса ожидания. Он поднял с пола бутылку пива и сделал несколько мелких глотков.

«Большая лажа», – угрюмо подумал Вадим. Но вариантов особых не было. Пару часов назад выяснилось: растаял не только отель, но и Свиридов из «Панорамы», со всеми куршевельскими бабками. Двенадцать путевок по тысяче долларов каждая – таков суммарный вес гирь, привязанных к ногам лопухнувшегося директора турфирмы «Фрегат». То бишь его, Ларчикова. И своих денег ни копя – все заработанное за зиму ушло на погашение кредита. А

взаймы теперь никто не даст: репутация подмочена, как подгузник младенца. Хоть снова в бега ударяйся, ей-богу!

– Сколько будет стоить ваша карта?

– Я так думаю, долларов четыреста. Но можно советоваться. Важно не перегнуть, но и не выставлять демпинговые цены. Долларов на двести – двести пятьдесят ниже обычных турпутевок в Израиль. Я правильно мыслю?

– Возможно. Но нужны приличные вложения в рекламу.

– Понятное дело. Сколько на первый месяц?

– Все зависит от масштабов проекта. Причем здесь прямой рекламой не обойдешься. Необходимо подключать общественность, артистов и даже, прости господи, религиозных деятелей. Православных, я имею в виду.

– Ну, я понимаю, что не раввина. Мыслишь ты правильно. Я как раз с Дмитрием весь этот план по артистам и рисовал. Пока мы его водкой не окропили... М-да. А что касается масштабов, то я хотел бы заработать миллион баксов.

Ларчиков расхохотался:

– Лимон? Почему не три?

– А что ты смеешься? – по-детски обиделся Фрусман. – Это всего две с половиной тысячи человек. Неужели за год не наберем?

– Вы надеетесь протянуть с этой аферой целый год? А головы нам не отстрелят?

– Так вот ты послушай сначала, какие мы клевые ходы с Димкой разработали. – И Фрусман развернул фиолетовый блокнот.

Глава 8

На следующий день Вадим стоял возле служебного входа Театра эстрады. Вахтерша с копной седых афрокосичек внимательно посмотрела на него. Мысль прошмыгнуть без объяснений тут же исчезла: старуха отфильтровывала чужаков не хуже конвойной овчарки. С глупой улыбочкой Ларчиков спросил:

– Казанцева уже приехала?

– Приехала, – ровным голосом ответила вахтерша.

– Мне нужно с ней увидеться. Как с ней связаться?

– А вы, собственно, по какому вопросу?

– По личному. Я ее близкий знакомый.

– Настолько близкий, что даже не знаете ее мобильный?

– Много воды утекло.

– Ах, воды! – Вахтерша неохотно подняла трубку аппарата, набрала трехзначный номер и тем же бесстрастным голосом проговорила: – К Ларисе Алексеевне рвется какой-то старый знакомый. Что? Ах, фамилия... Как ваша фамилия?

– Ларчиков. И еще большой привет от Левы Фрусмана.

– Ларчиков... Передает привет от Фрусмана. Жду. – И старуха аккуратно, как сапер, положила трубку на место.

Через пару минут в холл спустился некий юноша в облегающих джинсах, с огромной, усыпанной стразами пряжкой на ремне. В руках у него была пилочка для ногтей и розовый мобильник.

– Вы? – Он облизал Вадима вдовьими глазами. – Я администратор Ларисы Алексеевны. Идемте, она ждет вас в гримерке.

Виляя бедрами, администратор повел Ларчикова по лабиринтам театра.

Звезда отечественной эстрады Лариса Алексеевна Казанцева лежала на кожаном диване в белом халате и с огуречной маской на лице. Сняв зеленый кружок с левого глаза, сказала:

– Садитесь, юноша. Вон туда, на кресло. Гоша, убери отсюда свои тряпки, черт!

Женоподобный быстро прибрался и выскочил из комнатки.

– Как вас зовут?

– Вадим.

– Очень приятно. – Лариса Алексеевна протянула ручку, похожую на размороженное рыбье филе.

Ларчиков галантно поцеловал ее, ощутив на губах водянистый жир.

– А это крем, крем! – рассмеялась Казанцева. – Детский крем... Жив еще, значит, хмырь еврейский?

– Что, простите?

– Я говорю, стоит у него еще член обрезанный? Сватов ко мне засылает? – И Казанцева снова заливисто расхохоталась.

Ларчиков знал, к кому шел, – Фрусман поведал ему о сутенерском прошлом популярной певицы, но он не думал, что звезда так мало изменилась с тех пор.

– Лева просил вам передать пламенный привет и...

– Двух девочек в «Метрополь»! Ха-ха-ха! Машка поедет с этим черножопым в Сокольники! Ха-ха-ха! А у Нинки сегодня выходной... ха-ха-ха... у нее... ха-ха-ха... у нее... немужская болезнь!..

Казанцева извивалась на диване, будто стриптизерша на шесте, огурцы разлетелись в разные стороны, халатик задрался, обнажив белые целлюлитные бедра и черную полоску трусов. Когда звезда наконец притихла, Ларчиков жестко заметил:

– Лариса Алексеевна, дело у нас к вам очень серьезное. Это такое, я бы сказал, коммерческое предложение.

– У меня есть директор. Он решает все гастрольные вопросы. – Певица поднялась с дивана и в одну секунду стала той неприступной и вальяжной Казанцевой, какой ее привыкла видеть вся страна. – Что, Лева теперь устраивает концерты в Израиле? Я выступала в тель-авивской «Синераме», мне не понравилось. Тесно. Голос звучит как в конюшне. – Лариса Алексеевна закурила. – Впрочем, я вас слушаю. Что за предложение?

Вадим коротко изложил идею возрождения в России «карты паломника», естественно опустив все авантюрно-криминальные подробности и конечную цель проекта. Но Казанцеву было трудно провести.

– Ой, я тебя умиляю, как говорят у них в Хайфе! – загоготала она. – Какая благородная цель! Какое, епт, бескорыстие со стороны Левы Фрусмана! Да что я – Леву не знаю? Да он самую роскошную телку даром не трахнет!

Вошел администратор:

– Лариса Алексеевна, звонит Ростовский и спрашивает, на какое время заказывать столик?

– Через полтора часа буду. Отвали, Гошик! – Казанцева затушила окурок в пепельнице. – Мне, впрочем, насрать, что там Лева удумал. От меня ему чего нужно?

Ларчиков, немного помявшись, озвучил ранее отрепетированное:

– Для осуществления проекта нам нужна, как вы сами понимаете, общественная поддержка. Уже дали согласие многие популярные актеры, певцы, спортсмены, политики...

– Согласие на что? – перебила Казанцева. – Купить вашу «карту паломника»? Или что?

– Кто-то и на карту дал согласие, – не моргнув глазом, соврал Ларчиков. – А кто-то обещал поддержать или уже поддержал нашу идею публично. В интервью об этом сказал, на концерте, в театре перед спектаклем.

– Кто конкретно поддержал? Фамилии назовите.

Вадим наобум назвал несколько известных имен.

– И Зураб? – искренне удивилась Лариса Алексеевна. – А вот я сейчас позвоню ему и поинтересуюсь. – И Казанцева стала набирать номер по мобильнику.

Ларчиков похолодел.

– Постойте, Лариса Алексеевна! Я мог что-то перепутать. У Левы есть точный список.

– Я так и знала, что вы врете, – кивнула с удовлетворением Казанцева. – Уж кого-кого, а Зураба в такие авантюры не впутаешь. Он сам кого хочешь впутает... Ну-с. Все ясно. Выпьете на дорожку? – И звезда трижды хлопнула в ладоши, как шемаханская царица.

Вошедший женоподобный субъект быстро достал из шкафчика бутылку «Абсолюта», тонко нарезанный лимон и три рюмки. Казанцева подняла брови.

– Гошик, я же запретила тебе пить.

– Ой, я забыла! – хихикнул администратор и выскочил вон.

Лариса Алексеевна разлила водку, подняла рюмку:

– За Леву Фрусмана! И за его девочек!

Ларчиков, не скрывая досады, поднял свою.

– Значит, вы отказываетесь с нами сотрудничать? – брякнул он фразу из шпионских фильмов.

Казанцева коротко, но смачно выругалась. Ларчиков понял, что выбрал правильный тон.

– В таком случае Лева просил вас напомнить... – Он стал лихорадочно перемывать в памяти факты из бурной биографии певицы, рассказанные Фрусманом, с тем чтобы ударить поточнее. – Скажем, кому посвящена ваша знаменитая песня «Землячка»... Вы приехали в Москву из Херсона, устроились в Лужниках на рынке. Продавали вьетнамские майки, шорты, шлепанцы. Но через пару недель обнаружилась крупная недостача – у вас всегда было плохо с

математикой. И хозяин выгнал вас взащей. Как бы сложилась ваша жизнь, если б не случайно встреченная в привокзальном буфете землячка, которая приютила, обогрела вас и вскоре предложила работу на Тверской? Далее рассказывать, Лариса Алексеевна?

– Валяй, сука! – с каким-то мазохистским наслаждением произнесла Казанцева и залпом опорожнила рюмку.

И Ларчиков с воодушевлением продолжил. И так, землячка предложила Ларисе работу на Тверской. Недолго думая та согласилась. График был жесткий: три дня на улице, затем день отдыха. В свободное время, когда товарки отсыпались, будущая звезда брэнчала на гитаре. Если своей ненавязчивой игрой она кого-нибудь будила, между девчонками завязывались жестокие кровавые драки. От этих драк у ныне всенародно любимой певицы заметный шрам на правом плече.

– Это так? – спросил Ларчиков, прерывая рассказ. – Именно поэтому вы никогда не выходите на сцену в открытых платьях?

Казанцева в ответ молча обнажила плечо: шрам был похож на раздавленную ящерицу.

Через год изнурительной работы она попала на серьезный «геморрой». Прохладным июньским вечером к их точке подъехал белый «мерседес». Из него вышли два прилично одетых молодых человека, один из которых говорил с ярко выраженным прибалтийским акцентом. Этого, с акцентом, Лариса запомнила на всю жизнь.

– Вы поэтому сейчас отказываетесь от любых гастролей в прибалтийских странах? – уточнил Вадим.

Казанцева кивнула.

Так вот, ребята выбрали ее, Ларису, и, заплатив сутенерше сто пятьдесят долларов, повезли девушку за город, на посольскую, как они выразились, дачу. Ехали долго темным хвойным лесом, пока не уперлись в грубо сколоченную деревянную хибару. Дача явно не соответствовала статусу посольской, зато на кухне сидели семеро здоровенных, пьяных в дымину мужиков. «Охрана посла», – пошутил товарищ из Прибалтики. А Лариса подумала: «Геморрой». И понеслось.

Трахали будущую звезду по очереди, но вскоре Лариса перестала следить за «сменой блюд». Спасло ее только то, что мужики не рассчитали своих сил. Сморил их армянский коньяк. Накинув на плечи разорванное платье, Лариса с трудом выбралась на шоссе...

Ларчиков замолчал, ему показалось, что фактов и аргументов достаточно. Вопросительно посмотрел на Казанцеву.

– Хорошая у Левы память, цепкая, – со странной ностальгией в голосе заметила певица. – Чешь дальше!

Немного подумав, Вадим продолжил.

После той «посольской» ночи Лариса решила, что хватит с нее приключений на полуседую голову. («Пользуйтесь краской „Лонда-колор“!» – вставила Казанцева.) И пора начинать собственное дело. Ее порекомендовали кому следует, и вскоре недалеко от гостиницы «Минск» открылась новая точка.

– А что, – проговорила звезда, – девчонки жили у меня неплохо. За каждый «отъезд» получали по пятьдесят долларов, когда у Саранчихи, с точки напротив, телкам всего по тридцать отстегивали. Я о своих витебчаночках заботилась!

– Девчонки из Витебска были? – бесцеремонно полюбопытствовал Ларчиков.

– Оттудова, я их в обезьяннике присмотрела, после очередной облавы. Клевые девчонки: Вера, Светка и Катя-Марсианка. Я сейчас, когда в Витебск приезжаю, на «Славянский базар», все время к их родителям захожу...

– Лариса Алексеевна. – Вадим чутко уловил перемену в настроении звезды. – Ваше участие украсило бы наш проект, как... э-э-э... белое платье невесту!

– Во, блин, сказал! – расхохоталась певица. – А как же мое прошлое? Святое дело под патронажем бывшей проститутки и сутенерши?

Ларчиков переждал нервный смех Казанцевой:

– Между нами. Все это сугубо между нами. Клянусь своим хилым здоровьем!

– А я, собственно, ничего и не боюсь. Кому надо, тот и так знает. А слухи распускать... Ничего, я привыкла. Впрочем, не посмеет Левка. У меня на него точно такой же компромат. Мы же в одной связке работали. Помнишь, про Саранчиху говорила? Ну, точка напротив моей? Так это Левина кликуха – Саранчиха. Ты не знал? Только Лева больше на внешний рынок работал, а я – на внутренний.

– В каком смысле? – спросил слегка оторопевший Ларчиков.

– Он по ходу отбирал лучших девочек и отправлял в Израиль. В «махон бриют», в Нетанию. «Салон здоровья» по-нашему. Точнее, по-нашему – бордель.

– А я думал, откуда он все про вас знает?

Казанцева поднялась, открыла шкаф:

– Ладно, переодеться мне надо. Ужин через час. Ребята из администрации президента опозданий не любят. Помогу я Леве. По старой дружбе. Только на глобальные жесты с моей стороны не рассчитывайте. Упомяну пару раз в интервью, чего-нибудь на концерте брякну...

– И на том спасибо! – обрадованно воскликнул Вадим.

Главная цель была достигнута: именем звезды теперь можно козырять перед другими.

Глава 9

Шел четвертый день Димкиного запоя. Даша аккуратно пометила в календарике: «Суббота – пик». Ларчиков, случайно заглянув в этот странный талмуд, пошутил:

– А сегодняшняя пятница что, бубны?

– Пик, – серьезно объяснила лисичка, – это типа кульминация запоя, характерная резким переходом исключительно на пиво.

В отличие от Вадима Фрусман уже совсем не интересовался здоровьем несостоявшегося партнера. Недавний успех Ларчикова с Казанцевой вдохновил его на новые подвиги: сплюнув три раза, он позвонил известному политику, депутату Госдумы Сергею Полянскому. Разговор был коротким – на том конце бросили трубку.

– Ну, падла, держись! – заорал Лева, и громадные глаза его набухли, словно шиповник, залитый кипятком.

– Нет, Лева, – вздохнул Ларчиков, – Полянский – не наш клиент.

– Еще какой наш! Три месяца назад он отдыхал в Нетании. Заглядывал там кое-куда.

– В твой «махон бриют»? – усмехнулся Вадим.

– Казанцева про салон рассказала?

– Она.

– Сука... Мы там сделали несколько любительских снимков. Хочу их кому-нибудь показать. В журналчик какой-нибудь пристроить. С руками оторвут!

– Если прежде Полянский не оторвет тебе голову.

– Ой, я тебя умиляю! – воскликнул Лева, скорчив самоуверенную гримасу.

Оставив Фрусмана в глубоких раздумьях, Вадим поехал с Дашей в типографию. С утра звонили и просили забрать тираж «карты паломника», который был отпечатан фактически за один день. Макет создавали втроем. Даша нарисовала вверху изогнутого пеликана, символизирующего, по ее мнению, судьбу вечного странника. Лева составил официальный текст: «Эта карта выдана... действительна по... гарантирует обладателю...» Ларчиков довел до кондиции весь макет – в армии он набил руку на дембельских альбомах и стенгазетах.

У грузчиков был обеденный перерыв, и Вадим сам таскал пачки и укладывал их в нанятую «газель». Даша скрупулезно подсчитывала. На двадцать пятой вдруг хлопнула себя по лбу:

– Блин, я же забыла тебе сказать! Звонили из «Фрегата». Там какие-то бандюганы приехали по поводу Ледяного отеля. Ждут тебя.

– Вот черт! – возмутился Вадим. – Почему ты всегда забываешь самое важное?

Быстренько погрузив остатки тиража, Ларчиков отправил Дашу домой и на той же «газели» помчался в свой офис на Остоженку.

В просторной комнате, заклеенной работами Роксанны Льюит, Патрика Мак-Маллана и Алекса Кайзера⁴, сидело четверо «клонов», четыре плотные овечки Долли – в одинаковых синих куртках-алюсках. Это была, образно выражаясь, первая туча над Куршевелем. И поэтому Ларчиков немного постоял на пороге, оценивая ситуацию: таких наездов он пережил немало, однажды даже стреляли, но каждый раз ничего невозможно было предугадать. Клиент с рожей местечкового маньяка-убийцы мог говорить вежливо, приветливо улыбаться, добросовестно вникать во все посольские заморочки и даже шел в итоге на какую-нибудь доплату. А к примеру, милый юноша с лицом невинного эмбриона внезапно резко дергал «молнию» на кожанке и показывал серебристую рукоять ствола. Ему, киллеру-стажеру, не смогли поставить американскую визу, а земля уже горит под ногами, и терять ему нечего, и поэтому «пацаны, у вас есть один день, чтобы уломать посла!..».

---

⁴ Фотографы, снимавшие звезд и группировавшиеся вокруг легендарного нью-йоркского диско-клуба «Студио-54».

Ларчиков перестал гадать, к какой категории относятся эти люди, поздоровался и сел напротив.

– Вы по поводу Ледяного отеля? – спросил он. – Чаю хотите?

Ответа не последовало. Один из «клонов» встал:

– Вы директор? Пройдемте в ваш кабинет.

Ларчикову ничего не оставалось, как согласно кивнуть. Секретарше Верочке, терпеливо ожидающей некоего тайного знака от шефа, громко сказал:

– Верочка, ты все-таки приготовь чай. На всякий случай.

Та улыбнулась. Фраза при дешифровке означала: через полчаса вызывай ментов Крютченко. Потом он вдруг вспомнил, что майор Крютченко Андрей Сергеевич был как раз в списках на Куршевель. Узнав последнюю новость – о побеге со всеми деньгами Свиридова, – знатный «крышещик» в сердцах бросил: «О, теперь, сынку, сам все и разруливай!»

– А, нет, Вера. Чай отменяется.

– Как отменяется?

– А вот так.

Дверь закрыли на ключ, ключ положили в карман.

– Это еще зачем? – напрягся Вадим.

– Не нужно, чтобы нам кто-то мешал, – пояснил, по всей видимости, старший довольно вежливым тоном.

Ситуация, впрочем, напомнила Ларчикову анекдот о прозекторе, который перед вскрытием всегда обращался к покойнику со словами: «Извините за беспокойство». «Черт, знал бы, захватил браунинг!» – мелькнуло в голове с досадой.

– Короче, объясняю ситуацию. Ледяной отель был впервые слеплен еще в 1892 году. – Вадим стал безбожно врать, сам пока не зная для чего. – Стоял февраль, мела выюга, некуда было поставить лошадей.

– Что? – переспросил бригадир. – Чьих лошадей?

– Посла. Русского посла Синеврюхова. И потом он каждый год присутствовал на открытии Ледяного отеля в Куршевеле. Обязательно! Собственноручно перерезал красную ленточку, пили шампанское с французами. «Абрау-Дюрсо».

– Хорошее шампанское, – заметил один из четверки. – Так это был изначально наш совместный с западенцами проект?

– Ну да, совместный. Я это к чему говорю... У отеля давние традиции, долгая история, и никто не собирался вас обманывать. В феврале в этом Куршевеле всегда было минус двадцать – двадцать пять. Но подул южный ветер, пришел циклон с Атлантики. Все растаяло к чертовой матери, не только ваш Ледяной отель!

– Ваш, а не наш, – опять же вежливо уточнил бригадир.

– Что, простите?

– Я говорю, ваш отель, а не наш. Если б наш, мы бы платили неустойку. А так – вы будете платить.

– Какую неустойку? За что? Это форс-мажор! – возмутился Ларчиков.

– Послушайте сюда. Мы не могли к вам подскочить сразу, потому что у нас была важная деловая встреча. И вы, наверное, окунувшись в круговорот житейских забот, совсем забыли о нас.

– Я не забыл.

– Ну, тем лучше. Дело вот в чем. Вы, наверное, представляете специфику нашей работы? По рукам вижу, что представляете... Ребята устают, очень устают. Работа, скажу вам честно, грязная, постоянный эмоциональный напряг. – Старший вдруг усмехнулся. – Совсем, совсем не то, что о нас в фильмах показывают! Ну вот. Я хотел ребятам подарок сделать. Знаете, горный воздух очень полезен. А вы нам весь кайф обломали.

– Да, но я ведь все деньги верну!

– Это понятно. Но мы потеряли не деньги, нет. – Бригадир помолчал и сказал неожиданно сурово: – Мы потеряли нервы.

– Позвольте, я все-таки попрошу чаю, – с трудом выговорил Вадим.

– Бросьте! Все мы знаем про ваш чай. Нет с вами уже никакого Крютченко.

Ларчиков медленно отвинтил армейскую флягу, понюхал «Мартель».

– Хотите?

Бригадир, оттопырив мизинец, два раза глотнул.

«Артистический тип», – подумал Вадим.

– И о какой неустойке идет речь?

– Значит, четыре штуки за четыре путевки вы нам и так должны, верно? Плюс двадцать.

– Чего?

– Плюс двадцать тысяч долларов.

– Откуда такая цифра?!

– Честно? Моей жене просто вчера двадцать лет стукнуло.

«Клоны» расхотались, теребя свои капюшоны на куртках. Затихнув, назначили срок: три дня. Провожая делегацию до выхода, Ларчиков подмигнул Сальвадору Дали, глядевшему со знаменитого фотопортрета куда-то, по-бандитски, в сторону: видал, мол, какой у нас беспредел!

– Радует ваше бодрое настроение, – бросил на прощание бригадир.

...Закинув последнюю пачку из «газели» на антресоли, Вадим отхлебнул чуть ли не полфляги коньяка. Не помогло. А тут еще в подложечной области запульсировало – гастрит, черт бы его побрал, мина замедленного действия.

Дома никого не было: Даша гуляла с подругой или с ее собакой, Лева встречался с депутатом Полянским. Димка валялся в прострации. Чтобы хоть как-то разрядиться, Ларчиков решил побеседовать с подвижником концептуального искусства о вреде алкоголя.

Тот лежал на полу, засунув под голову кулак, и смотрел в потолок, как в космос. Рядом стояла батарея пустых пивных бутылок.

– Ну, открыл новую планету? – грубовато спросил Ларчиков, не ожидая, впрочем, никакого ответа.

Однако Димка вдруг зашевелился и попытался с помощью кулака приподнять свою про-спиртованную голову. Вскоре ему это удалось.

– А... Т-т-ты, – проблеял он. – Налей... налей мне. – И жалко улыбнулся, как новобранец дембелю.

От этой улыбки желание читать лекцию мгновенно пропало. Хоть этот человек (сейчас, скорее, паразитный гриб, мох из гербария) и увел у него любимую девушку («забил интеллектом», образно говоря), Ларчиков по-прежнему симпатизировал ему. Чуть больше года назад, когда они скитались с лисичкой по коммуналкам, Димка Курляндцев распахнул перед ними двери своей огромной фазенды. А ведь он знал их всего один январский денек – познакомились на Рождество, Димка в гуляющей толпе прятался от очередного запоя. Сейчас можно только гадать, почему Курляндцев проявил такое гостеприимство. Возможно, он боялся самого себя в опустевшей после недавней скоропостижной смерти родителей квартире (отец и мать скончались от инфаркта один за другим) и мгновенно положил глаз на Дашку, рассматривая ее в разных ипостасях: любовницы, сиделки, гонца за водкой. Кто знает. Однако факт остается фактом: в январе Курляндцев сдал им комнату в центре Москвы за смешотворную плату – пятьдесят долларов. Вадим стал искать пиво. Под кроватью обнаружилась неоткрытая бутылка. Он двинул горлышком о стол, поднес к губам Димки. Тот покачал головой и с той же жалкой улыбкой прохрипел:

– Водки... Водки! Там, за цветочным горшком.

Ларчиков вспомнил Дашино «суббота – пик» и как бы сравнил два лица по степени страдания: ее и Димкино. «Сильный пол» выиграл, и Вадим стал шарить за кактусом. «Гжелка» слегка нагрелась на забрызганном солнцем подоконнике. Наливая стакан на треть, Ларчиков подумал, что продолжение этого запоя ему было бы на руку. Катастрофа с Куршевелем требовала быстрых и серьезных доходов от аферы с паломниками, а Курляндцев стал бы непременно клянчить свою долю.

Да, на руку, если б час назад он не принял другое кардинальное решение.

– Полный!.. Полный! – зашевелился Димка.

Непонятно почему, наверное, в силу глупой мужской солидарности, он плеснул ему доверху.

Около полуночи в дверь Вадима поскреблись.

– Открыто, – отозвался он.

В проеме показалось лицо Даши, озабоченное, глазки бегали. Вошла, встала у косяка.

– Я не могу, он меня замучил. Я думала, всю водку у него отняла. А тут нашла под ним бутылку. Вот. – И она вытащила из-за спины пустую «Гжелку».

– Как это – «под ним»? – скосил под дурачка Ларчиков.

– Он лежал на ней. Спиной. А тут повернулся – смотрю, «Гжелка».

– Может, это старая «Гжелка»?

– Какая старая?

– Ну, он раньше ее выпил. Вчера, позавчера. А бутылка случайно под него закатилась.

Они разговаривали о Димке как о неодушевленном предмете, как о лодке в грозу.

– Да я же все бутылки собрала уходя! – воскликнула в отчаянии Дашка. – Я всю комнату перерыла!

«Плохо же ты рыла, – подумал Вадим, вспомнив о кактусе. – Глубже надо рыть. И ширше».

– Может, врача с капельницей вызвать? – Он потянулся к записной книжке.

– Это все без толку. На два дня очухается – и снова в запой. Значит, его организм еще не насытился.

– Вот тебе и «суббота – пик», – жестко сострил Ларчиков.

Даша присела рядом на диван. Ее рука потянулась к его щеке. Рука была холодной: лисичка страдала малокровием и всегда мерзла. Вадим инстинктивно отодвинулся.

– Холодно?

– Ничего.

– Господи, как мне все надоело! Живу от заката до запоя!

– Я тебя предупреждал. Помнишь, после встречи старого Нового года, когда он напился в первый раз. Я тебе сразу сказал – Димка алкоголик, у него все признаки.

– Но ведь он потом аж до мая не пил. И сорвался только на праздник. – Она вздохнула, недовольно посмотрела на свои ногти. – Блин, совсем себя запустила... Слушай, может, мне это... к тебе вернуться?

– Не надо, – чуть не расхохотался нервно Ларчиков.

– Почему?

– Не надо, и все.

Не мог же он ее напрямую спросить: а сбежишь со мной в Краснодар дня через два? В смысле мог, но что толку: все равно бы не согласилась. Она могла удрать с ним только на дачу Касыма. Но на эту далекую поездку у него не было денег.

Глава 10

После того как бывший акробат Геннадий Сергеевич выдал Ларчикову без всякой расписки мешок баксов – стопроцентный аванс за курдов, – Вадим слинял в Салтыковку.

Дачку Любы Гурской он нашел быстро. Действительно, домишко оказался словно из сказки: на курьих ножках. Вошел внутрь – и просто опалило жаром. Было лето. Вовсю трещала печь. «Сумасшедшая», – подумал Вадим о сироте-сторожихе по имени Дашенька. Окликнул ее, чувствуя, как струя пота змеится по позвоночнику. Никто не отозвался, и Ларчиков подошел к заслонке, стал просматривать книги, которыми, к изумлению гостя, хозяйка, собственно, и топила.

– Вот черт! – возмутился он. – Воспоминания Шаляпина жгут!

– А кто это, Шаляпин? – глуховато ухнуло с печи, и на пол упал солдатский бушлат, крылом вспугнув огонь.

Вглядевшись, Вадим увидел прелестную рыжую головку.

– Добрый день! – сказал он. – Что это вы летом топите?

– Я мерзну. Особенно по ночам. На самом деле тут жутко холодно.

– Может, у вас грипп? Знаете, летом бывает такое: съел мороженое – и тю-тю.

– У меня это «тю-тю» всю жизнь. Вы Вадим?

– Вадим. Люба предупредила?

– Да, она звонила. Соседям, у нас телефона нет. Я сейчас встану, накормлю вас. Только еще немного погрееусь, можно?

– Вы прямо как Герда, – заметил Ларчиков.

– Из «Снежной королевы»? – оживилась сирота.

– Нет, это у меня собака такая была, в Краснодаре. Такса. Тоже все время мерзла.

...Потом, когда они ближе познакомились и как-то разговорились, имя Герды снова всплыло. Но уже действительно из сказок Андерсена. Мама Дашеньки была женщиной гулящей, причем летала очень низко: по заводским общежитиям, отдаваясь всем подряд за бутылку водки, три рубля, а чаще за то, чтобы просто накормили ее доченьку, ее ненаглядную лисичку, которую она все время таскала с собой. С детской непосредственностью рассказывая об этом, Дашенька и упомянула имя Герды: обычно в мамины «рабочие смены» она сидела где-то в уголке и читала Андерсена, и особенно любила «Снежную королеву». А если из блужданий по ледяному царству ее выводили чьи-то пьяные крики, вопли и ругань, девочка просто закрывала уши ладонями.

После убийства матери (дежурная драка в общежитии хлебобулочного завода) шестилетнюю Дашеньку взял к себе ее дядя, Вячеслав Александрович, и увез на какую-то далекую сибирскую заимку. То ли школа там была за сто километров, то ли дядя возомнил себя Макаренко, но «учение-свет» вечно мерзнувшая девочка получала из его рук – по крохам, черным хлебом вперемешку с отрубями.

Когда в свою очередь умер Вячеслав Александрович, Дашенька попала в детдом. Но пробыла там недолго. Ее забрала к себе двоюродная сестра Любы Гурской Алена. Через три года девочка очутилась в Москве, точнее, в Салтыковке: Люба выписала ее из Сибири сторожить дачу. Ко времени встречи с Вадимом Даше как раз стукнуло восемнадцать лет...

И вот что поразило в ней Ларчикова больше всего: глубинные провалы в образовании. Он, конечно, и сам не блистал энциклопедическими знаниями, но когда сирота в одну из ночей решила снова затопить печь книгами и на всякий случай спросила: «А Гоголь – это хороший писатель? Или его можно жечь?», Ларчиков не сдержался: «Блин, ведь так же нельзя! Ведь ты умеешь читать! А ну, сядь и прочитай Николая Васильевича от сих до сих!» Приказал, словно Доцент Хмырю и Косому в «Джентльменах удачи».

И Даша на удивление беспрекословно подчинилась. И вообще оказалась очень внушаемой девочкой. Усидчивой, внимательной, то есть у нее была просто феноменальная память. Не прошло и нескольких дней, как она уже шпарила наизусть целые куски из Карамзина: «Ливонские рыцари, пристав к российским мятежникам и захватив близ Оденпе одного чиновника новгородского, дали повод Ярославу разорить окрестности сего города и Дерпта». Она цитировала ему абзац за абзацем, бледная от бессонницы, и Вадим уже стал не на шутку беспокоиться о здоровье лисички. Он даже стал приходить к ней по ночам в комнату, отбирать книги и выключать свет. И вот так, изымая очередной том, он как-то у нее остался... Лег рядом. Рука потянулась к груди, Даша сказала:

– Кто вот тебе говорил, что грудь – самая чувствительная часть?

– Кто? Мне так всегда казалось.

– Эх, неопытный... Поцелуй меня в губы.

Ларчиков поцеловал. Губы были легкие, мятлые. Живот у нее вдруг задрожал. Все было свежо, как будто яблоки смололи в блендере...

Прошло около месяца. В начале сентября в Салтыковку нагрянула Люба Гурская. Вадим валялся на печи, залечивая гастрит. А Дашенька как раз бродила по поселку в поисках инжира – им Ларчиков только и спасался во время обострения. Зайдя, Люба аукнула. Голос у нее был мрачный, словно у промокшей совы.

– Я здесь, начальник! – откликнулся Вадим. – Болею.

Гурская довольно дежурно поинтересовалась, что с ним, и Ларчиков насторожился: от нее месяц не было ни слуху ни духу и кто знает, что там устроили обманутые курды. Но дела обстояли гораздо хуже.

– Деньги наши с тобой пропали, – сказала Любка-Кремень. – Все. Подчистую.

– Как пропали? – Ларчиков чуть не упал с остывшей печи. – Что за бред?! Из банка?

– Ты что, телевизор не смотришь? Впрочем, какой телевизор. Вы тут с Дашкой прямо как на сибирской заимке живете.

И Гурская прочла больному короткую лекцию о последствиях финансовой катастрофы 17 августа 1998 года. Затем добавила:

– Ходят упорные слухи, что бывшего акробата Геннадия Сергеевича в связи с кризисом в стране сурово взяли за яйца. И теперь у него два выхода: либо найти тебя, либо сделать сальто с Останкинской телебашни.

– Почему с телебашни? – рассеянно спросил Вадим.

– Ну, он же акробат, – нелепо съязвила Гурская.

Вместе с новостью об экономическом крахе она привезла с собой два билета.

– Поскольку, Вадик, курдские псы ищут тебя с собаками, – скаламбурила без тени улыбки, – придется отсидеться в Турции. Вот два билета до Анталии, возьми. Обратные – с открытой датой. Прилетишь в Москву, когда все устаканится.

– Зачем два? – Ларчиков все еще находился в некоей прострации из-за потери денег.

– Ну ты, парень, даешь! Ты как мой биохимик просто. Звоню ему как-то в лабораторию и говорю: «Поехали, Лен, в ресторан. Через часок». А он в ответ: «А зачем? Мы уже с Крысей поужинали».

– А кто такая Крыся?

– Это его крыса подопытная. Эксперименты он над ней ставит, мудака!

– А-а-а... А у Дашеньки есть загранпаспорт?

– Есть. Я ей сделала, – усмехнулась Гурская.

Глава 11

Ларчиков был в Анталии в конце марта – сек дождь, раздавал пощечины ветер. Петербург в пальмах, короче. Сейчас же здесь стояло тропическое лето. На площади возле аэропорта они с Дашенькой долго искали автобус на Кемер. Не обошлось без приключений. Перед самой посадкой к ним подскочил дедуля с хвостатой бородкой – чистый старик Хоттабыч из бутылки – и, высыпав на асфальт содержимое своей тележки, заорал:

– Бак! Бак!

Разноцветные застиранные платки, потертые кожаные юбки, сумки с дырками, с оборванными ручками, два обгоревших кальяна, мятые коробки с рахат-лукумом, изюмом и пряностями – ничего интересного. Но Хоттабыч упорно тянул Дашеньку в глубь кучи. Заинтригованная, она стала помогать старику расшвыривать хлам. Откинув в сторону какую-то кофточку, дико завизжала. Вадим бросился к ней. На асфальте, среди тряпья, валялось чучело невероятных размеров кошки, покрытое лаком. Хоттабыч рассмеялся, довольно затряс бородкой:

– Twenty dollars! Twenty dollars!⁵

Ларчиков оттолкнул его и направился с Дашей к автобусу.

– Бок! Бок! – закричал им вслед Хоттабыч.

И только чуть позже, когда они мчались по горной дороге, вырубленной Александром Македонским, один из русских туристов, сидевших рядом, объяснил Ларчикову значение слов «бак» и «бок». Соответственно – «смотри» и «говно».

– Вот козел! – выругался Ларчиков.

Сорок пять километров от Анталии до Кемера – роскошной курортной зоны турецкой Ривьеры, выросшей на месте рыбацких поселков, – преодолели ровно за сорок пять минут.

– Здесь знаешь что клево? – сказал Вадим, когда они уже стояли возле гостиницы. – Горы и сосны. Ты поймешь это, когда заплывешь далеко в море, за буйки.

– Угу, – кивнула лисичка и дотронулась до пальмы, словно до ядовитой змеи, с опаской и возбуждением.

... Женщины часто недовольны своей грудью. Или цветом волос. Или на худой конец формой правого уха. Ларчиков знал это по своему довольно богатому жизненному опыту. Как-то в Краснодаре он делал портфолио Свете Белкиной, той самой дочери замредактора, тогда еще девушке незамужней. Белкина мечтала поступить в столичное модельное агентство, поэтому решила сниматься в импровизированной студии Вадима. На взгляд Ларчикова, у будущей королевы подиума не было недостатков: ее тело будто отлили в бронзе по скрупулезно выверенным параметрам. И что вы думаете? В постели Белкина упорно не позволяла целовать себя в спину. Как потом выяснилось, она считала, что у нее слишком выпирают позвонки, и особенно шейные. Ей казалось, что они выпирают, словно бицепсы у Шварценеггера.

---

⁵ Двадцать долларов (англ.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.